

рисует его очень остро. Убийство кулаками молодого дублинского социалиста на другой день после «победы» принадлежит к наиболее запоминающимся эпизодам повести. В заключительных главах мы встречаем революционеров, недавно еще прославленных героев борьбы за независимость Ирландии, прячущихся от ирландской полиции. На тайном собрании революционеров Робинсону удается опознать неуловимого шпиона, проникшего на этот раз в самое сердце движения. Борьба продолжается. Подпольная организация готовится к выступлению. Продолжая работу своего отца, Бен Робинсон едет в Англию, чтобы поселиться там в портовом городе.

Наш читатель знает Джима Фелана по маленькому рассказу, напечатанному в № 11 «Интернациональной литературы». Это очень талантливый рассказ, из которого можно больше узнать о состоянии ирландской деревни, чем из иного объемистого романа. Фелан автор нескольких книг. Среди них отметим

повесть «Пожизненное заключение» — об ирландских революционерах в английских тюрьмах, написанную Феланом на основании собственного опыта. В письме, присланном в редакцию «Интернациональной литературы», Фелан пишет о себе: «Я крестьянин по происхождению, ирландец. Политическими своими убеждениями обязан Джеймсу Конолли (Конолли — руководитель ирландских социалистов, расстрелянный после восстания 1916 года); своими литературными достижениями — Максиму Горькому». Дальше он говорит, что хотел бы, чтобы его книги нашли себе читателя в СССР и он «смог бы возратить в такой форме советскому народу то, что взял у Горького».

Наше знакомство с Ирландией и с ирландской литературой очень невелико, и произведения Фелана, без сомнения, заслуживают внимания советского читателя.

А. Старцев

МАРТИН ГУМПЕРТ—„ДЮНАН. РОМАН О КРАСНОМ КРЕСТЕ“. Изд. Берман-Фишер, Стокгольм, 1938 (Martin Gumpert. «Dunant, Roman des Roten Kreuzes». Verlag Bermann-Fischer, Stockholm, 1938).

Книга Мартина Гумперта об Анри Дюнане — основателе Красного Креста — принадлежит к весьма распространенному на Западе биографическому жанру. Гумперт, немец по происхождению, живет в США, где занимается врачебной практикой. Хотя он и не писатель-профессионал, ему нельзя отказать в литературном мастерстве. Вместе с тем следует сразу же сделать оговорку, что подзаголовок книги — «Роман о Красном Кресте» — совершенно не оправдан. Меньше всего ее можно назвать романом. Гумперт пытается компенсировать скудость биографических данных о Дюнане, которыми он располагает, описанием общеполитической ситуации в период общественной деятельности Дюнана, то есть во второй половине XIX и в начале XX века. К сожалению, автор злоупотребляет этими публицистическими отступлениями (из 320 стр. книги он отводит им изрядную долю), а отдельные высказывания его явно ошибочны.

Ценность книги не в общетеоретических рассуждениях, порой, повторяем — спорных и путанных, а в приводимом фактическом материале о Дюнане. Анри Дюнан (1828—1910) прожил долгую жизнь. По существу она состояла из двух этапов, совершенно противоположных по характеру. Дюнан родился в

Женева, в городе благонамеренного мещанства, «где бедность была позором». Воспитанный в старинной аристократической семье, Дюнан должен был, однако, избрать карьеру коммерсанта. 25 лет отроду он поступил на службу в «швейцарскую колониальную компанию» и свыше 5 лет провел в Северной Африке. К этому периоду относится написанная им книга, в которой он, в частности, выступает против ужасов рабства в Америке. Эта книга приносит Дюнану звание члена Парижского этнографического общества. Но научная и литературная деятельность не отвлекла Дюнана от его коммерческих занятий. Ничто не предвещало каких-либо серьезных поворотов в жизни коммерческо-банковского деятеля Дюнана. Казалось, что он так и не выйдет за пределы коммерческих интересов. Но одно непредвиденное событие резко изменило установленный порядок вещей и как вихрь закружило Дюнана, вырвало его из круга привычных интересов. Этим событием явилась знаменитая битва при Сольферино (1859). На поле битвы Дюнан отправился с совершенно определенной целью: пользуясь знакомством с генералом Бофором, начальником штаба французской армии при Наполеоне III, Дюнан решил встретиться с императором и заинтересовать его планами основанной

им, Дюнаном, колониальной компании в Алжире. Сам Дюнан заявлял впоследствии, что он случайно оказался на поле битвы, застигнутый врасплох во время туристского путешествия. Как бы то ни было, Дюнан явился свидетелем страшной бойни. Он увидел изуродованные трупы, стонавших и метавшихся в беспмятстве раненых, тела которых топтали атакующие батальоны. Он впервые столкнулся лицом к лицу с кошмаром войны. «Это было страшное пробуждение от иллюзорного благополучия буржуазной жизни, покоящейся за деньгах и набожности, к ужасной действительности». Глубоко потрясенный Дюнан с лихорадочной поспешностью направляется в штаб французской армии к маршалу Мак-Магону. «Маршал сидел за письменным столом и что-то высчитывал. Он выглядел, как банкир в военном мундире. Его кабинет представлял собой поле битвы, где подсчитывался и распределялся человеческий товар». Механизм войны был на полном ходу, — и Дюнан увидел свое бессилие остановить его. За свой риск и страх он с помощью нескольких добровольцев сделал попытку наладить уход за ранеными и больными солдатами враждующих армий. Впечатления, вынесенные из битвы при Сольферино, оставили в сознании Дюнана неизгладимый след. Он пишет и издает «направах рукописи» книгу «Воспоминания о Сольферино». Она содержит не просто пламенное осуждение войны; в ней впервые сформулировано предложение о создании пользующейся нейтралитетом международной организации помощи раненым. Это был зародыш «Красного Креста». Книга Дюнана стала европейской сенсацией. Она была переведена на множество языков и разошлась в чрезвычайно большом для того времени тираже. Виднейшие представители литературного мира горячо поддержали гуманные предложения Дюнана. «Прочитав эту книгу, плешь проклятие войне», — писали в своем «Дневнике» Гонкуры. Виктор Гюго обратился к Дюнану с сочувственным письмом, в котором писал: «Вы вооружаете человечество и служите делу свободы». Чарльз Диккенс посвятил Дюнану специальный очерк в своем журнале.

В то же время книга Дюнана вызвала резко враждебное отношение милитаристских кругов, особенно во Франции. Военный министр Рандон назвал ее «книгой, написанной против Франции», а министр двора Вайян присоединился к этой характеристике, заявив, как бы в ответ Дюнану, что жалеет о том, что нельзя больше сжигать завоеванные города и уничтожать взятые в плен гарнизоны.

Дюнан стал мировой знаменитостью. По его инициативе было создано международное общество Красного Креста, эмблема которого — красный крест на белом поле — вскоре получила широкое распространение. Дюнан с ог-

ромной энергией борется за успех начатого дела.

Это был период торжества Дюнана. Но на смену ему приходит полоса упадка и неудач, которые преследуют его до самой смерти. В 1867 году коммерческое предприятие, с которым был связан Дюнан, — его колониальная компания, — терпит крах, и он становится банкротом. Может ли быть большой позор в капиталистическом мире, чем банкротство? «Это банкротство явилось подлинной катастрофой в жизни Дюнана», — замечает Гумперт. Дюнан фактически отстраняется от участия в комитете Красного Креста. «Но так как имя Дюнана нельзя было отделить от истории Красного Креста, было решено оставить это имя, как символ, а о жизни Дюнана-человека позабыть...» И когда несколько лет спустя какой-то любопытный осведомился о месте пребывания Дюнана, ему ответили, что о Дюнане ничего не известно, что он, очевидно, умер.

Но Дюнан не умер. Он жил в глубоком уединении, почти в нищете. «Я узнал на собственном опыте, — писал он впоследствии, — ту нищету, о которой я в дни юности читал в романах и которую считал порождением писательской фантазии». И, по словам Гумперта, Дюнан начинает по-новому видеть мир.

Дюнан делал в дальнейшем ряд попыток вернуться к активной общественной жизни. Так, он выступил с проектом создания «Интернациональной библиотеки», предложив издать «полное собрание гениальных творений человеческого ума — самых ценных произведений, хранящихся в крупнейших общественных библиотеках». В 1870 году, во время франко-прусской войны, он выступает с проектом «нейтрализации ряда городов, в которых могли бы концентрироваться раненые».

После подавления Парижской коммуны Дюнан, который, по справедливому замечанию Гумперта, «менее всего был приверженцем теории классовой борьбы», едва не был привлечен Тьером к суду за «государственную измену».

Многие годы Дюнан провел в изгнании, в одном из кантонов Швейцарии, располагая, по словам его биографов, ничтожной суммой в три франка в день на пропитание. «Я голодаю», — писал он в одном из писем.

В 1895 году в прессе появляются статьи, делающие «открытие», что Дюнан — основатель Красного Креста — жив и терпит нужду. Снова вокруг его имени поднимается шум. В 1901 году ему присуждается половина первой Нобелевской премии мира. За четыре года до первой мировой империалистической войны Дюнан умирает в своем уединенном убежище, оставив завещание, в котором он пи-

сал: «Я желаю, чтобы меня похоронили без ваших церемоний, которые мне ненавистны».

Так, уже на склоне своих дней, Дюнан увидел лицемерие окружавшей его среды. Само положение Дюнана, пытавшегося сочетать роль колониального коммерсанта и благотворителя человечества, было, конечно, двойственным и ложным. Современное ему общество видело в нем прежде всего коммерческого деятеля, и до глубокой старости Дюнан не прощало ему банкротства. Стоило пошатнуться его связям в деловом мире, и рухнул его пьедестал филантропа.

Заслуги Дюнана, выступившего против ужасов войны и практически принесшего несомненную пользу делу помощи раненым, очевидны. Но не менее очевидно и то, что в созданное им детище неизбежно были привнесены все лицемерие и ложь буржуазной благотворительности. Оно как бы было призвано вуалировать настоящий облик войны и не могло же породить иллюзий и утопических идей, с

помощью которых буржуазные демагоги маскировали подлинный характер и размеры тех бедствий, которые несла с собой война народным массам, поработанным капитализмом. Мировые события, развернувшиеся через много времени после смерти Дюнана, показали, что эмблема Красного Креста зачастую не только не являлась гарантией от бомбардировки, но, напротив, служила отличной мишенью для армий империализма.

Конечно, судьба Дюнана оказалась трагичной, на что и указывает Гумперт. Но нельзя не подчеркнуть, что сам Дюнан, ограниченный и своими социальными связями и, тем более, рамками буржуазной благотворительности, апеллировавший почти неизменно к «верхам» общества, и не помышлял расширить свою борьбу против войны и опереться на те социальные силы, которые могли бы сделать эту борьбу более эффективной, — на народные массы.

В. л. Рубин

ДЖОЗЕФ МАК КЭЙБ. — „ПАПСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА“. Изд. Уоттс и К^о, Лондон, 1939 (Joseph Mc Cabe. «The Popacy in Politics Today». Watts and C^o, London, 1939).

Автор этой книги — в прошлом монах-францисканец — ученый богослов, воспитанник католического университета в Лувене. Он давно отошел от церкви и стал убежденным врагом религии и особенно католичества. Личная судьба Мак Кэйба, пожалуй, ярче всего говорит об огромной политической власти, которой и сейчас еще обладает католическая церковь во многих странах. Не только в Ирландии, Испании, Италии, Франции, в странах, которые могут считаться католическими, но даже в Англии Мак Кэйб лишь с величайшим трудом добился возможности напечатать свои, негодные католической церкви, книги (они давно уже включены в знаменитый «Индекс либрорум прогибиторум», то есть в список книг, чтение которых безусловно запрещено каждому «доброму католику»). В своих страстях по Европе и Америке он подвергался гонениям, иногда даже изгнанию под тем или иным предлогом. «Некоторые мои друзья, — рассказывает Мак Кэйб, — считают, что я несколько преувеличиваю опасность. Герберт Уэллс изобразил меня старым, угрюмым пуританином, железнобоким из конницы Кромвеля, который сидит в засаде где-нибудь неподалеку от Флит-стрит и подслушивает, не сговариваются ли уже паписты о выступле-

нии. Однако, сейчас не время для таких дружеских упреков. Папа развивает очень активную политическую деятельность».

Книга Дж. Мак Кэйба, основанная на обширном фактическом материале, наглядно показывает, что отход масс от церкви продолжается совершенно неудержимо. В течение XIX века, по подсчетам Мак Кэйба, католическая церковь потеряла около ста миллионов человек во всем мире — даже официальные католические учреждения должны были признать, что эта цифра более или менее точна; однако уже за первые 20 лет XX века еще около пятидесяти миллионов порвали с католичеством. И темпы отлива масс от церкви все возрастают.

Именно потому церковь развивает необычайно активную политическую, чисто «светскую» по своим методам деятельность почти во всех странах. Всюду и везде церковь, конечно, выступает в союзе со светской властью против католических масс, если эти массы обнаруживают хоть какую-нибудь склонность к борьбе за свои социальные права.

Нет никакой возможности пересказать в небольшой статье хотя бы важнейшие факты, собранные в этой книге. Мы приведем из ра-